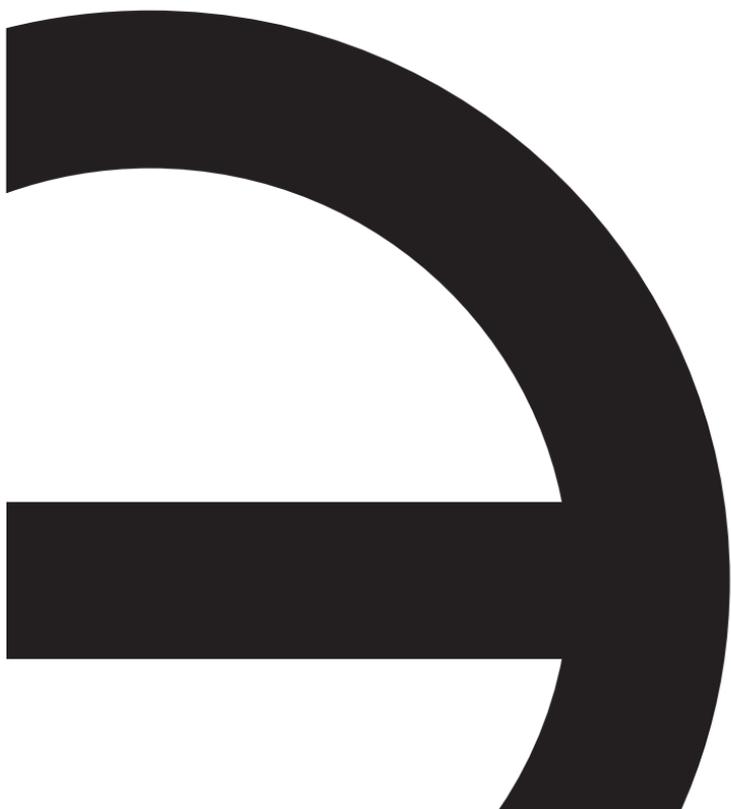

Сергей Гандлевский
эссе, статьи, рецензии

Сергей Гандлевский
эссе, статьи,
рецензии

издательство астрель

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Гандлевский, С.

Г19 Эссе, статьи, рецензии / СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ; — М.: Астрель :
CORPUS, 2012. — 509, [3] с.

ISBN: 978-5-271-44813-3 (ООО “Издательство Астрель”)

Сергей Гандлевский — поэт, прозаик, эссеист. Окончил филологический факультет МГУ. Работал школьным учителем, экскурсоводом, рабочим сцены, ночным сторожем; в настоящее время — редактор журнала “Иностранная литература”. С восемнадцати лет пишет стихи, которые до второй половины 80-х выходили за границей в эмигрантских изданиях, с конца 80-х годов публикуются в России. Лауреат многих литературных премий, в том числе “Малая Букеровская”, “Северная Пальмира”, Аполлона Григорьева, “Московский счет”, “Поэт”. Стипендиат фонда “ROESIE UND FREIHEIT EV”. Участник поэтических фестивалей и выступлений в Австрии, Англии, Германии, США, Нидерландах, Польше, Швеции, Украине, Литве, Японии. Стихи С. Гандлевского переводились на английский, французский, немецкий, итальянский, голландский, финский, польский, литовский и японский языки. Проза — на английский, французский, немецкий и словацкий. В книгу вошли эссе, статьи и рецензии разных лет.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN: 978-5-271-44813-3 (ООО “Издательство Астрель”)

© Сергей Гандлевский, 2012
© А. Бондаренко, оформление, 2012
© ООО “Издательство Астрель”, 2012
Издательство CORPUS ®

Содержание

Элегия	11
Чтение в детстве	14
“Чужой по языку и с виду...”	18
“Безумных лет угасшее веселье...”	29
<i>Blow up</i>	38
Сочинения Тимура Кибирова	42
Способ Айзенберга	51
Ситуация Ц	54
Детсаду о зоосаде	61
Поэзия общего дела	67
Бла-бла-бла о главном	72
Принципиальный раблезианец	78
Виновник торжества.	82
Советский Гамлет	87
20 строк, как 200 грамм	96

Хрестоматия по точноведению	102
Жертвоприношение	109
Обратная связь	116
Польза поэзии	125
Размер потери	129
Волшебная скрипка	135
Та-та́ — та-та́ — мечта поэта	144
Метафизика поэтической кухни	149
Университет счастья	159
Ничей Пушкин	166
Милый идеал	170
Он же гений...	175
Придаточное биографии	181
Злой Бунин	187
Орфей в подземке	192
Свой	198
Темы и вариации	203
Набоков — коллега Пнина	210
Оборотень	216
Обнажение приема	222
Гений одиночества	226
Олимпийская игра	231
Нежестокый талант	240
Памяти Льва Лосева.	251
Мэтр	255

Двадцать лет спустя	262
Памяти хора	268
Странные сближения	276
Гибель с музыкой	336
Читатель и самоубийство	372
Общее место	379
Чемоданное настроение	388
Попытка тоста	396
Повторение пройденного: пять дней в Гаване	402
“Есть остров на том океане...”	414
Писатель и километраж	438
Мотивы детства	443
Имя и имение	451
Тяп-ляп	455
Из-за спины авторитета	459
Америка на уме	467
Инициация	477
Квартира, цыпленок, блондинка	482
Фальшивый купон – II	491
Слышимость	497
Памятник	504

Памяти А. Сопровского

Элегия

Я москвич в третьем поколении, детство и отрочество прожил на Можайке в коммунальной квартире. При мне за “брежневскими” домами забирали в набережную Москву-реку. А пока река не остепенилась, я под присмотром отца не раз ловил на отмели головастиков. По той же отмели одиннадцать лет от роду побрел топиться после двойки на экзамене по сольфеджио в близлежащей музыкальной школе. Грозный оклик прохожего вернул меня к жизни, не то бы я вернулся сам.

Потом десять лет я жил в Сокольниках — тоже обаятельное место; столько же — на юго-западной окраине города. Последнее десятилетие обретаюсь в центре, в Замоскворечье. В полночь летом при открытых окнах можно слышать кремлевские куранты.

Смолоду у нас с покойным другом Сопровским было заведено в ночь летнего солнцестояния пройти Москву насквозь — от Сокольников до Воробьевых гор (Ленинскими мы их, юные вольнодумцы, и тогда не звали), искупаться в реке, сесть в первый поезд метро и разъехаться по домам. Эти ежегодные ночные марш-броски ознаменовывались случайными встречами с людьми под стать нам: пишущими выпивохами, доморощенными философами, правдоискателями “с приветом”.

Получается, Москву я не то что хорошо знаю — неплохо чувствую, вернее, чувствовал. Осенний запах в верховьях Кутузовского проспекта — изысканную смесь лиственной прели и бензинового перегара — я не спутаю ни с чем.

С московского детства сложились представления и о правильной, хорошей цветовой гамме: пыльная зелень, облупленная желтизна, над головою — синее с белым. Когда в зрелые годы я увидел страны побогаче, потеплее и поярче нашей, у меня спустя день-другой начинало ломить глазные яблоки от чрезмерного цвета.

Нынешняя Москва выходит из-под контроля моих пяти чувств. Думаю, что люди моего поколения и старше поймут, *что* я имею в виду. Город идет вразнос, снова живет, и сложившемуся человеку не угнаться за ним, как ни задирай штаны.

На Пятницкой у магазина электроники с каким-то, как водится, бессмысленным убого-шикарным названием стоит плоский манекен — длинноногая блондинка образцового роста и сложения: осклабилась завлекательно и протягивает прохожим двухмерную же японскую видеокамеру. С расстояния пяти шагов смотрит на фанерную деваху, глаз не отрывая, настоящая тетка лет шестидесяти пяти, очень обычная и на свой лад не менее представительная. Только за ней — совершенно другой мир, опыт и уклад: коммуналки, очереди, талоны, бесправие, склоки, слухи, страхи, радиоточка, журчавшая, бывало, от утреннего гимна до полночного. И смотрит пожилая москвичка на диковину безо всякой живости — удивления, допустим, одобрения или досады, а точь-в-точь по поговорке — как баран на новые ворота. Многие сейчас смотрят на Москву с подобным выражением, я, во всяком случае, нередко.

Чтение в детстве

Читать я начал из-под палки между восьмью и девятью годами. А до поры я довольствовался отцовским пересказом литературных сюжетов. “Робинзон Крузо” я сперва узнал со слуха, а только потом прочел. Первой увлекшей меня книгой была “Борьба за огонь” Ж. Рони (Старшего). Я бросился читать подряд с нарастающей скоростью весь принятый тогда подростковый набор беллетристики — Купера, Майна Рида, Дюма, Стивенсона, и уже через два-три года отец с осуждением замечал, что так не читают — так глотают.

Прочитанное незамедлительно сказывалось на моей речи и манерах; я был, вероятно, довольно неуместен — нелеп и велеречив — в нашем при-
блатненном дворе в среднем течении Можайки.

Но с высот сегодняшнего взрослого благоразумия и осмотрительности я завидую некоторым своим отроческим поступкам, возрастному донкихотству, которым я обязан, безусловно, книгам.

Читать лучше вовремя. Только стыд не позволяет мне привести здесь длинный перечень всего, что прочесть следовало, а я не прочел в срок и уже вряд ли прочту, а если и прочту, то движимый не любопытством, а стыдом: литератор, как-никак. И вообще я с огорчением замечаю, что с годами моя потребность в чтении убывает.

Дети мои читают вяло. С десятилетним сыном идет мелочный торг: время, проведенное за книгой, должно строго соответствовать времени, отпущенному на компьютерные игры. Мальчик поймал меня на слове и норовит каждую четверть часа чередовать чтение с плутанием по бункерам DOOM'a с помповым ружьем, и я холодею, заметив краем глаза, что сын минута в минуту подсаживается к IBM, отодвинув книгу на словах “внезапно Холмс...”.

Или в сравнении с авантюрной остротой нынешних зрелищ чтение представляется детям пресным?

Дочь постарше, она и читает получше. Нравственная здравость некоторых ее оценок удивляет. Мальчиковый кумир — граф Монте-Кристо — возмутил мою дочь недужным прилежанием мести.

Можно строить разные предположения, отчего некоторые произведения, по замыслу обращенные ко взрослым, дрейфуют в сторону детского чтения, а другие, по всем приметам подростковые, не выдыхаются и сопутствуют нам и в зрелые годы. Романы Стивенсона, например.

Действительно хорошая книга обладает свойствами зеркала и отражает запросы и духовный уровень читателя. Совершенно разные люди — будь то эстет, или мастер вычитывать из книг какой-либо подтекст, или подросток, любитель приключенческой литературы, — каждый из них с полным основанием найдет в “Капитанской дочке” то, что ищет.

Мне было лет двенадцать-тринадцать, когда, по-нукаемый родителями и свернув шею почти на сто восемьдесят градусов, чтобы не терять из виду экран “КВНа” за толстой линзой, я плелся через проходную взрослую комнату в детскую. В тот вечер я шел в кровать так изуверски медленно, потому что в телевизоре билась в истерике и бросала деньги в огонь Настасья Филипповна. Наутро я достал нужный том с полки, впал в оцепенение и к концу первой части физически ощутил, как у меня повернулась и встала поперек грудной клетки душа.

Этот поворот души — над “Маугли” или над “Евгением Онегиным” — сильное и праздничное переживание, и ради него стоит воевать с деть-

ми и закрывать своим телом телевизор. В зрелые годы я надолго забыл давнюю оторопь над только что прочитанным. Но вспомнил, когда тридцати пяти лет от роду захлопнул “Пнина” с отроческим недоумением и растерянностью: вот оно и кончилось, и как же мне теперь быть?

Может быть, в ряду лучших моих воспоминаний — память о чтении и путешествиях. Что-то роднило эти два занятия. И то и другое хоть на время, но оделяло легкомысленным отношением к собственной персоне, главному источнику забот и тревог. И то и другое изначально было только созерцанием, а становилось сильным бескорыстным чувством. И что-то грозное и правильное давало о себе знать, смотрел ли ты на блистательные очертания Кавказа или читал: “От четырех отважных людей, историю которых мы рассказали, остался лишь прах; души их прибрал к себе Бог”.